

Серое перышко

— Мне, батюшка, оксамиту на платье. Цвету смарагдового. И соболей на оторочку.

— А мне — венец новый. Не из самых дорогих, а сколь не жалко будет... но только чтоб с камнями. И зарукавья.

— А Марье — ягод лукошко, авось вередями пойдет, — тем же смиренным голоском добавила старшая. Поклонилась отцу, поплыла к двери. Середняя, сладко улыбаясь, за ней.

Марьюшка словечка не сказала в ответ. Знает, что дорогих подарков ей не видать. И так сватают вперед сестер, двоим уже отказал отец. Поил сватов медами лучшими, греческим вином — Марья молода, берите вместо Марьи Гордею, за ней вдвенадцатеро больше дам... Не сладилось дело.

— Марьюшка! — позвал Данила. Дочь подняла ресницы. — Говори, что твоей душеньке хочется?

— Спасибо, батюшка. У меня все есть, ничего мне не надо.

— Так не бывает! Чтобы молодую да веселую и ничего не желалось?! Скажи, может, забаву какую? Или... — хотел сказать «ягод на меду», но осекся, — или сластей?

Марьюшка взглянула на отца, и сердце Данилы дрогнуло. Чем-то вдруг она напомнила жену-покойницу.

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — Ясна сокола.

— Перышко? — Данила поднял бровь. — На что тебе соколиное перышко?

— Оно не простое, серебряное.

— Украшение какое?

— Нет. — Марьюшка продолжила шить. — Утеха на праздничный час. Купи, батюшка, оно недорого стоит. У баб на базаре спроси, они скажут.

Смарагдовый отрез и венец с зарукавьями давно лежали в суме, а вот с перышком вышла незадача. Никто не знал, что это за диковинка и у кого ее можно сторговать. Купчихи, посадские жены, простые бабы качали головами, смеялись, отмахиваясь от Данилы рукавами. Торговка пирожками чуть не сомлела от хохота — так залилась, не в силах перевести дух и по-лошадиному всхрапывая, что Данила плюнул и отошел. И то, смешно: зрелый муж бегаёт по базару, словно юродивый, ищет незнамо что.

Спрашивал у мужчин, но и те только диву давались. Один шустрый разносчик радостно закивал, повел Данилу к какому-то балагану, вынес оттуда «перо Феникса» — сушеную пальмовую вайю и на изумление скверно заругался, когда узнал, что не будет ему ни двух гривен, ни одной, ни даже медной полушки... Да где же добыть это окаянное перышко Финистово?

— Перышко ищешь?

Невесть как подкралась. Пожилая, лет под сорок, одета чисто, голова повязана белым платком не на русский лад, лицо темное, глаза и брови черные — знать, ясинка или болгарка. Нос тонкий, губы тонкие. Проживет еще столько да полстолько, вылитая будет Баба-яга, как в баснях бают.

— Ищу, дочке в подарок.

— Сам надумал или дочка попросила?

— Дочка.

— А мать позволила? — Ягишна усмехнулась одной щекой.

— Вдовец я, — отрезал Данила. — Есть у тебя перышко или попусту болтаешь?

— Есть. Продать тебе?

— Продай.

Не успел выговорить — баба развязала кису, что держала в руке.

Данила думал, Финистово перо окажется затейливым, вроде тех, что украшают боярские охотничьи шапки: кудряво завитое, осыпанное камнями-искорками. Но на узкой ладони лежала невзрачная сероватая полоска, вроде ивового листа. Такая же заостренная и сероватая.

— Это? Краса, значит, и утеха?

— А ты приглядись, купец. — Баба подняла перышко и повертела вправо-влево. Данила едва не ахнул: по бородкам пера побежали яркие радуги, мелькнули, пропали, появились снова. Он осторожно взял игрушку: вес был не пуховый, стерженек холодил пальцы. Попытался согнуть паутинной тонкости проволоку, нажал легонько, сильнее — негнулись, упруго противились, как настоящее перо.

— Беру.

Ко всему-то Марьюшка приготовилась. И к тому, что отец перышка не найдет, и к тому, что вместо подарка принесет плетку: шутка ли, так налгать родному батюшке!.. Только не к тому, что отец добродушно усмехнется и подаст ей перышко. Подвигился радужным переливам да спросил, где слыхала о диковинке. У колодца, сказала Марьюшка. Сестрицы-змеищи кинулись, схватили, со всех сторон обсмотрели, пошипели — дура, мол, дурочка, нацепи в волоса свое перышко и красуйся! С тем и оставили.

Стыдно, страшно, а назад хода нет. Рано или поздно домашние прознают, какое такое перышко, и тогда... Лучше разом, как с моста в воду.

Новое платье и материн ожерелье лежали на сундуке, ждали своего часа. Наконец утихли и сестры, и девки-чернавки. Марьюшка нарядилась, не зажигая огня. Затешила самую тонкую лучинку. Все равно огонек получился слишком ярким — кто выйдет во двор или в сени, враз заметит. Но в темноте страха не одолеть.

Бросить перышко об пол. Бросила. Радуги замелькали ярче и быстрее. Сказать шепотом: «Любезный Финист — Ясный сокол, жених мой жданный, явись ко мне!»

И трижды прочесть «Да воскреснет Бог»: все-таки хоть и не змей огненный, а кто его ведает...

Трижды прочесть молитву Марьюшка не успела. И птицы-сокола не заметила. Загудело, как зимой в трубе, и из воздуха появился он.

Марьюшка, забыв о страхе и стыдливости, смотрела на него во все глаза. Надо же разглядеть, с кем век коротать.

Не высок и не дороден, в поясе тонок. Одет в серебристый атлас или тафту — при лучине не разглядишь, все гладкое, без узоров и оторочек. Шапки нету, волосы светлы, выются, как быстрый ручей, надо лбом острижены, за ушами длинней. Усы кудрявые, борода не выросла. Лицо чистое, светлое, брови темнее волос, а глаза и впрямь соколиные: золотые, круглые и не смигивают.

— Здравствуй, краса ненаглядная! — сказал, посмеиваясь. — Биться будем или мириться? — Помолчал краткий миг, добавил: — Обниматься или целоваться?

— Поговорить бы вперед, — ответила Марьюшка.

Чародейский молодец усмехаться перестал и воззрился

на нее, будто это она, Марья, к нему прилетела на рога-
том ухвате и предложила непотребное.

— Да ты... красная девица... — Обвел глазами светел-
ку: сундук, столик у окна, постель на лавке. Снова уста-
вился медовыми очами — на узенький венец и застегну-
тый до последней пуговки летник. — Не жена, не вдова —
как же ты... кто тебя научил этакому? Где перышко взя-
ла?

— Батюшка с базара принес.

— Батюшка?

— Он не знал, для чего оно надобно.

Молодец произнес несколько слов на неведомом язы-
ке, повертел головой, засмеялся:

— А ты-то знаешь, дитятко?

— Где ты дитятко углядел — мне пятнадцать годов, шест-
надцатый! Не для худого тебя позвала, а для доброго!

— Для чего же?

Марьюшка собралась с духом, тронула ожерелье на
счастье и — как с моста в воду:

— Люба я тебе?

— Люба, — признался молодец.

Марьюшка поклонилась до земли:

— Если любя, возьми за себя. Доброй женой буду, век
из воли твоей не выйду, только возьми.

— Куда... куда я тебя возьму?

— В тридесятое царство!

— Куда?!

— Где сам живешь, туда и жену возьми! — дерзко ска-
зала Марьюшка. — Не знаю, как твоя земля зовется, а и
ты мне люб. Не оставь погибать, увези. Матушка десять
лет на погосте, сестры поедом едят, а батюшка мне от
них не заступник. Не отдает меня вперед их, а мне жизнь
не мила.

— Сестры поедом, — повторил Финист. Он все еще
глядел, как булавой ошеломленный. — Ну что ж, деви-
ца... как тебя величать?.. Марьюшка. Что ж, Марьюшка,
хочется поговорить — говори. Спрашивай гостя, как хо-
зяйский долг велит.

Вспомнив о хозяйском долге и девичьей скромности,
Марьюшка потупила очи и присела бочком на правый
краешек лавки. Молодец присел на левый край, ближе к
светцу.

— Поздорову ли, господине Финист? Какого ты роду-
племени? Боярин, али купец, али... — «Колдун» не выго-
ворилось.

— Да, пожалуй что купец. А еще мастер — ну, пусть
будет корабел и кормчий. Нас тут семеро. Чужестранцы
мы, веры не русской. Пришли сюда на... летучем кораб-
ле. Слыхала про такие?

— Знаю.

— Вот и славно, что знаешь. Живем тут у вас девятый
год, домой дела не пускают. К примеру, меха ваши ску-
паем, ладим у себя развести соболя да куницу, да не
выходит пока. А иной раз, да, тоска берет холостому быть.
Наших жен и девиц с нами нет, одна только есть, она
над нами начальствует.

— Как начальствует? Хозяйка ваша? Разве жена может
купцом быть?

— Наша все может, ну да не о ней речь. С людьми мы
мало знаемся, вера у нас иная, родина далеко. Так да-
леко, что замуж туда ни одна не пойдет, да мы и не сва-
таемся.

— Так ты из Индии?

— Еще дальше. Со мной уедешь — век весточки домой
не подашь... Ну вот, думали мы и придумали. Вера наша
возбраняет приступить к жене допрежь того, как она сама
позовет. А жены, да вдовы, да девицы в вашей земле по

теремам сидят. Вот и сделали наши мастера перышки,
записали в них малыми буквами имена наши, прозва-
ния. Продали на базаре через жен-ведуний как тайну
великую. Ох, найду Мирку, будет ей гостинчик!.. Так где
перышко ударится об пол, там нас и ждут. Туда мы и в
гости бываем. Поняла али прямой сказать?

— Куда ж прямой. — Марьюшка покраснелась. — А
если... если дурная собой перышко купит? Кривая, ху-
дая да лысая?

— Не видал еще у вас некрасивых. А кривой глаз я
вылечить могу.

— Вы все колдуны?

— Мы мастера. Душу нечистому не продавали.

— Ты, значит, тут жен да вдов утешаешь, а дома тебя
супруга ждет?

— Нет у меня супруги, — признался Финист.

— В такие лета и нет? По какому же вы закону живете?

— Про лета особый разговор, а закон... Не православ-
ный, сразу скажу. Но женам и девам обиду чинить у нас
строго заказано. За это карают без милости.

— Головы рубят али как?

— Лучше бы рубили!.. Так что, Марьюшка, передума-
ла? Ведь я некрещеный, нас и в церкви не обвенчают.

— А не хочешь ли креститься? — тихо спросила она.
Головы к нему не повернула, а все равно — светлое лу-
кавое лицо так и стоит в очах.

Финист хлопнул себя по коленям и рассмеялся, но тут
же зажал себе рот.

— Ох, девушка милая! Ну а если я все же колдун?

— Что ж, коли так! В Приречном конце Петрович-знахарь,
жена у него и детишек четверо, все в церковь ходят.

Находчивый ответ заставил гостя призадуматься.

— Да пойми ты, мне у вас не жить. А ты у нас жить не
сможешь. На что тебе я, инородец? Такая умница да кра-
савица, обожди, пока сестер со двора сведут.

— Ты их видел, сестер моих?! Сведут их, как же! Рань-
ше я в могилу сойду!

— Тише! — Соколиные зрачки сжались.

— Что?

— Ходят. Смотри сюда, Марьюшка. Другой раз не бро-
сай перо, а возьми ну хоть иголочку. — Он уверенно су-
нул в темный угол, поднял с пола иглу. — Здесь и здесь
острием нажми — видишь крапинки? Ну, приглядись, вот
они. А то отдай кому не жалко или брось на улице.

— Нет! Сказала...

Финист приложил палец к губам — и исчез прежде соб-
ственной тени, которая, показалось Марьюшке, еще за-
мешкалась на полу. Не успела дух перевести, в дверь
застучали.

— Марья! — окликнул батюшкин голос. — Отвори сей
же час!

— Иду!

Отстегивать ожерелье, снимать алый летник на осьм-
надцати пуговицах было некогда. Марьюшка побежала к
двери.

Батюшка был не один. Тут же стояли старшая с серед-
ней и девка Танька, а за батюшкиным плечом маячил
Онфим со свечой в левой и дубиной в правой.

— Простите, что помедлила. За работой задремала.

— Глядите, батюшка, на ней платье другое, лучшее!
Для кого наряжалась, а?

— Для себя самой, сестрица милая! Кайму подбирала.
Батюшка, что они наплели на меня? — Марьюшка сама
удивилась, как легко сошла с языка ложь.

Притворив дверь, Данила обернулся к старшей и се-
редней:

— Дуры.

Отец редко бранился, а при слугах — и вовсе впервой. Дочери молча отдали поклон. Дескать, завтра поглядим, чей верх будет.

Кума Пелагея, всем трем сестрам крестная мать, пожаловала еще до обеда. Явилась и сразу начала выпрашивать, что Данила дарил дочкам. Не успел он выговорить про Финистово перышко, кума тяжело осела на скамью, застонала, закрестилась:

— Охти мне! Сором-то какой! — И заголосила певучим басом, будто колокол: — Да ты, кум любезный, али перепил, али недопил, али в самый раз выпил, что родной дочери своими руками этакую мерзость!.. Ой вы девоньки горькие, покинула вас мать нерадивая на отца бестолкового!

В сенях хихикали. Старшая с середней, посылая Таньку к крестной, и не ждали такой удачи...

Перышко Данила стоптал каблуком — только хрустнуло да блеснуло. Марья вскрикнула, будто ее самое сапогом ударили, и оттого разгорелась в нем лютая ярость. Как Пелагея сказала, что девичьей чести ущерб не было, отец поуспокоился, но говорить со лживой ослушницей не стал. Молча вышел из светелки и сам заложил засов.

Постоял, прислушался. За дверью молчали. Гордо и безжалостно, ему в ответ.

— Ты рехнулся. Это отвратительно!

— Дело вкуса.

— Пусть так. А что ты сделаешь, когда она сбежит, да еще беременная от тебя?! Ты берешься просчитать информационные последствия? Дикие слухи, потом генетику?

— Берусь.

— Ты самоуверен. Нет, уж лучше я все возьму на себя. Как врач и как командор.

— Не посмеешь!

— Знаешь, что посмею!

— Марьюшка, это я, Танька! Не нужно ли чего?

— Сама мне про Финиста баяла, а теперь «не нужно ли чего»?

— Так а что я? Я думала, бабы врут... Ой, Марьюшка, что ж теперь с тобой станется?

— Батюшка выдаст за Илью Митрофаныча. Завтра пошлет за дьяком, сговор будет.

— Ой, Марьюшка!

— Танька, выпусти меня. Я тебя не забуду.

— Что мне с твоей памяти? Меня Данила Никитич багогами велят забить!

— Не велит. Я уйду через заднее крыльцо, а ты засов задвинь, как было. Подумают — сокол меня унес.

— Ой, Марьюшка, а он... он что, взаправди был?

— Взаправди. Он меня унес бы, да без перышка не позвать его.

— Да на воротах-то замок!

— А я на амбар и через забор.

— Ножки переломашь!

— Ты небось не переломала, когда тебе Васька-гончар свистел. Отпирай, кому сказано!

Базар с утра был почти пуст, но бабу Мирку оказалось легко найти. Первый встречный и проводил, и охальничать не стал.

Зато темнотица веселилась вовсю. Чудно, правда, как-то смеялась. Будто что у нее болело.

— Ты и есть та хитрованка, вдового купца дочь? Али беда приключилась?

ФАНТАСТИКА

— Дай другое его перышко. Вот ожерелье, оно больше стоит, чем мой отец тебе заплатил. И скажи, где они живут.

— Не боишься?

— Не боюсь.

— Храбрая девка! Вот тебе перышко. Пойдешь через Никольский бор, потом ельником. Держи клубочек, да бросать не вздумай: просто гляди, чтобы красные нитки крест-накрест сходились. Неладно свернешь — и они разойдутся. К полудню увидишь железный тын, на нем черепа огнем горят, а за ним железная башня. Стучись в ворота. Перышко побереги да иголку не оброни. Ожерелье себе оставь.

— Спаси тебя Господь.

— Мне не удалось — у тебя выдет.

Этих слов Марьюшка уже не слыхала. А ведунья перекрестила ее в окно, потом расстелила на скамье плат, увязала в него две рубахи и хлеб в тряпице. Что толку медлить — кабы отец за дочерью не пришел...

Перышко не призвало Финиста. Зато хитрый клубочек вывел верно. Железная башня поднималась выше елей, черепа на огаде слабо светились алым.

Найдя ворота, Марьюшка постучалась. Вышло тихо. Подобрала камешек, стукнула слегка — боялась повредить лощеное железо. Потом сильнее. Левый воротный столб сердито пропищал что-то.

— Не понимаю по-вашему, — ответила Марьюшка. — Отворяй ворота!

Ворота открылись. Не распахнулись, а поехали вверх, будто их кто на цепи подтянул. Марьюшка подняла голову, выглядывая ворот с работниками.

— Зачем пожаловала?

Во дворе, у башни, стояла женщина. Одета как Финист и хороша собой. Молодая, а гордая, прямо княжна.

— Работница не надобна? Могу пряхсть, ткать, вышивать.

Хозяйка захохотала. Потом спросила:

— Говори, что нужно!

— Я Финисту невеста.

— Невеста! — Княжна гадко усмехнулась. — Таких невест у него...

— Как у тебя женихов? — крикнула Марьюшка. — Твое перышко почем идет на базаре?

— Экая ты! — Хозяйку будто и не задело. — Ладно, заходи.

Внутри башни все тоже было железным. Светлым и блестящим, как отточенный нож. На стенах ничего: не говоря про образа, ни тканого, ни шитого нет. И мехов не видать. Полы голые, лавки голые, лесница голая. Двери прячутся в стенах и снова выползают, сами становясь стенами.

— Здесь он. Спит, устал с дороги. Разбудишь — будет твой.

Холод вроде и несильный, а пробирает до костей... Марьюшка уже знала, что увидит. Железо сменилось серебром. Серебряный свет заполнял горницу. Шесть

